

УДК 913:911.3

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ДИНАМИКЕ ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2025 г. Н. К. Теренина^{1,*}, Р. Н. Кроток^{1,**}

¹Псковский государственный университет, Псков, Россия

*e-mail: brazelon@yandex.ru

**e-mail: roma.krotok@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.05.2023 г.

После доработки 14.10.2024 г.

Принята к публикации 28.12.2024 г.

Российскими учеными детально изучены изменения в этнической структуре населения регионов страны, произошедшие в 1990-х и 2000-х годах. Расширить данный анализ позволяет вовлечение в научный оборот результатов переписи населения, состоявшейся в 2021 г. Цель исследования — выявление особенностей динамики этнической структуры населения субъектов Российской Федерации между переписями населения 1989 и 2021 гг. с опорой на показатели, характеризующие этническую неоднородность населения. В постсоветский период подавляющее большинство регионов страны испытывало положительную динамику доли русского или титульного (в национально-территориальных образованиях) населения. В этот период обозначилась тенденция к гомогенизации этнической структуры населения субъектов Российской Федерации. Несколько расширилось “русское мегаядро”, включающее области и края с долей русского населения свыше 90%, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Среди национально-территориальных образований в этот период стали моноэтничными Чечня и Ингушетия. В большинстве других национально-территориальных образований также росла доля титульных народов, и во многих из них удельный вес титульных этносов в настоящее время превосходит половину населения и продолжает увеличиваться. Уменьшение доли титульного населения произошло лишь в семи национально-территориальных образованиях. Они расположены преимущественно на севере Европейской России: Карелия, Коми, Удмуртия, Марий Эл и Чувашия. Также к этой категории относятся Адыгея и Еврейская автономная область.

Ключевые слова: этнодемография, этническая география, индекс этнической мозаичности, титульные этносы, нетитульное население

DOI: 10.31857/S2587556625020029

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И СТЕПЕНЬ ЕЕ ИЗУЧЕННОСТИ

Многонациональный состав населения Российской Федерации и неоднородность этнической структуры населения большинства ее регионов определяют актуальность исследований по этнической географии страны. В настоящее время наиболее детально изучены изменения в этнической структуре населения регионов России, произошедшие в течение двух первых постсоветских десятилетий. Многими российскими этнодемографами и этногеографами (Дорофеева, Савоскул, 2010; Манаков, 2022 и др.; Орлов, 2013; Сафронов, 2015; Стрелецкий, 2011) по итогам переписей населения Российской Федерации, состоявшимся в 2002 и 2010 гг.,

были отмечены такие процессы, как рост доли титульных народов в подавляющем большинстве республик и концентрация этих народов в “своих” республиках. Однако С.Г. Сафронов (2015) при изучении результатов Всероссийской переписи населения 2010 г. пришел к выводу, что в первом десятилетии XXI в. обозначенные процессы несколько замедлились. В этот период более заметную роль в изменении этнической структуры населения регионов страны стали играть трудовые миграции.

Отмеченные процессы были связаны как с более высоким естественным приростом титульного населения в целом ряде республик, так и с изменением миграционного обмена внутри России, когда преобладающий в позднесовет-

ское время миграционный отток титульных народов из национально-территориальных образований сменился на возвратные миграции в них в постсоветский период. Однако в ряде случаев обозначенная концентрация происходила без миграционного “стягивания” титульных этносов республик и даже наблюдался частичный отток этих народов, особенно из трудоизбыточных республик Северного Кавказа, в другие регионы страны. Вместе с тем концентрация титульных этносов в республиках Урало-Поволжья далеко не всегда сопровождалась ростом доли титульного населения в самих республиках. И особо нужно отметить ускорившуюся в постсоветский период ассимиляцию нерусского населения в “русских” регионах страны (Манаков, 2022).

Вовлечение в научный оборот результатов Всероссийской переписи населения, состоявшейся в 2021 г., позволяет проанализировать изменения в этнической структуре населения регионов страны в течение трех первых постсоветских десятилетий. Особый интерес вызывает ответ на вопрос, сохранилась ли во втором десятилетии XXI в. направленность процессов, которые были выявлены российскими этнодемографами и этногеографами в два предыдущих постсоветских десятилетия.

Цель исследования — выявление особенностей изменения этнической структуры населения субъектов Российской Федерации между переписями населения 1989 и 2021 гг. с опорой на показатели, характеризующие этническую неоднородность населения регионов.

В качестве информационной базы исследования выступает этническая статистика по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2021 г., размещенная на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В мировой науке используется несколько показателей, с помощью которых дается оценка этнического разнообразия территорий. Это, в первую очередь, индексы фракционализации (или этнической мозаичности), поляризации и энтропии. Расчет этих индексов и особенности их использования при оценке этнического и конфессионального разнообразия регионов России, а также достоинства и недостатки этих показателей рассмотрены в ряде работ (Буфетова и др., 2017, 2018; Буфетова, Коломак, 2017; Горохов, 2014; Горохов и др., 2020; Дорофеева, Савоскул, 2010; Manakov, 2019).

Наше исследование базируется на использовании модифицированного варианта одного из этих показателей, называемого в зарубежной науке индексом этнической фракционализации (Campos et al., 2011; Casey and Owen, 2014; Fedderke et al., 2014; Montalvo and Reynal-Querol, 2002; Papyrakis, Mo, 2014; Posner, 2004). Данный показатель, основанный на постулатах теории вероятностей, был выведен в середине XX в. из индекса Хиршмана–Херфиндаля. Приоритет во введении индекса фракционализации в научный оборот принадлежит Дж. Гринбергу, который в 1956 г. использовал его для изучения лингвистического разнообразия (Greenberg, 1956). В работах российских экономистов этот показатель обычно называют индексом этнической неоднородности, или же, вслед за иностранными коллегами, индексом этнической фракционализации (Буфетова и др., 2018; Буфетова, Коломак, 2017). Однако данный показатель хорошо известен в российской этнической географии как индекс этнической мозаичности (ИЭМ). В отечественной науке ИЭМ впервые применил около полувека назад Б.М. Эккель (1976). Индекс этнической мозаичности рассчитывается по формуле:

$$\text{ИЭМ} = 1 - \sum_{i=1}^N (n_i)^2, \quad (1)$$

где N — число национальностей в районе, n_i — доля (частота) i -й национальности во всем населении района (Эккель, 1976).

ИЭМ считается самым удобным показателем для проведения сравнительной характеристики пестроты этнического состава населения регионов и городов (Дорофеева, Савоскул, 2010; Покшишевский, 1983). С помощью этого параметра разрабатываются классификации регионов России по степени этнической неоднородности по итогам переписей населения, а также предпринимаются попытки использовать ИЭМ для анализа динамики этнической структуры населения регионов страны (Сафронов, 2015; Орлов, 2013; Манаков, 2019). Индекс Эккеля используется также для оценки конфессиональной мозаичности территории (или же религиозной неоднородности населения стран и регионов), например, в работах (Буфетова и др., 2018; Горохов, 2020).

Чем больше ИЭМ, тем выше вероятность распространения межэтнических контактов. В связи с этим А.Г. Манаков (2002) предложил использовать ИЭМ для определения степени выраженности этноконтактных зон (ЭКЗ). Так, основываясь на величине ИЭМ, он выделил два основных класса ЭКЗ: неярко выраженные (ИЭМ от 0.2 до 0.4) и ярко выраженные (ИЭМ

¹ <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 10.07.2024).

свыше 0.4). В качестве третьего, дополнительно, класса выступают наиболее ярко выраженные ЭКЗ (при ИЭМ свыше 0.6). Величина ИЭМ служит и для отделения ЭКЗ от моноэтнических территорий (ИЭМ менее 0.2). Данные количественные критерии на основании величины ИЭМ стали использоваться рядом исследователей для классификации этноконтактных зон, например, на Северном Кавказе (Лысенко и др., 2011, 2013), в том числе в Дагестане (Набиева, 2002), а также в Крыму (Сидоренко, 2015), Буриятии (Шитиков, 2015) и др.

Но при этом ИЭМ имеет ряд недостатков, которые ограничивают его использование. Так, например, С.А. Горохов (2014; 2020) обращает внимание на следующие недостатки индекса Эккеля: 1) нечеткость диапазона принимаемых значений (неверно рассматривать этот диапазон от 0 до 1, так как его верхний предел соответствует не единице, а $1 - 1/N$, где N — число учитываемых этнических или конфессиональных сообществ); 2) зависимость значения показателя от числа национальностей или конфессий, учтенных в стране или регионе. В связи с этим С.А. Горохов предложил модифицированный индекс мозаичности (МИМ), который представляет собой нормированный ИЭМ, учитывающий количество этнических или конфессиональных групп (N) в регионе:

$$\text{МИМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^N n_i^2}{1 - 1/N}. \quad (2)$$

Множество значений МИМ принадлежит интервалу от 0 до 1. Таким образом, данный показатель не зависит от числа этнических и конфессиональных групп, учтенных в регионе. Благодаря этому, за основу в нашем исследовании был принят именно показатель МИМ. Однако в данной статье он рассчитан для двухкомпонентных этнических систем, т.е. индекс оперирует соотношением представителей только двух этнических сообществ. В связи с этим мы считаем, что понятие “мозаичность”, предполагающее наличие множества отдельных объектов, является не очень удачным для двухкомпонентных систем, и потому предложили иное название показателя.

Как вариант ИЭМ можно рассматривать предложенный нами индекс этнической контактности (ИЭК), с помощью которого оценивается вероятность контакта проживающих на определенной территории представителей двух этносов (Теренина, 2022). Формула для расчета индекса следующая:

$$\text{ИЭК} = k \cdot 2 \cdot n_A \cdot n_B, \quad (3)$$

где ИЭК — вероятность встречи представителей этносов A и B в конкретном регионе, n_A — доля представителей этноса A в регионе, n_B — доля представителей этноса B в регионе, k — поправочный коэффициент, отражающий “межэтнические расстояния”, которые рассчитываются этнодемографами с помощью методик, используемых при изучении смешанных супружеских пар.

Коэффициент k предложил внедрить в практику этнодемографических исследований для оценки “межэтнических расстояний” Е.Л. Сороко (2014), который рассчитал частоту браков между представителями 27 национальностей, проживающих в России. Этот показатель обозначен нами как коэффициент этнической контрастности (или коэффициент Сороко), уже имеется опыт его использования для оценки вероятности контакта этносов в республиках Урало-Поволжья (Теренина, 2023). Однако применение коэффициента Сороко для оценки вероятности этнических контактов в других регионах страны требует расчета этого показателя для большого количества пар народов, проживающих в России. Таким образом, расчет коэффициента Сороко представляет собой самостоятельную научную задачу, и в данной работе k пока принимается равным единице. Применение данного коэффициента позволит перейти к реальной оценке степени выраженности этноконтактных зон, так как оценка степени выраженности ЭКЗ исключительно по величине ИЭМ, как предложил А.Г. Манаков (2002), не учитывает степень контрастности этнических культур.

Диапазон значений ИЭК составляет от 0 (если территория является моноэтнической) до 0.5 (при соотношении представителей двух этносов 50 на 50%). Вариант ИЭК, нормированный по количеству этносов (в данном случае — двух), по аналогии с МИМ, нами предложено назвать модифицированным индексом этнической контактности (МИЭК). Данный индекс, множество значений которого принадлежит от 0 до 1, рассчитывается по формуле:

$$\text{МИЭК} = 4 \cdot n_A \cdot n_B. \quad (4)$$

С.А. Горохов (2020, с. 106) предложил свой вариант градации модифицированного индекса мозаичности, позволяющий оценивать степень этнической или конфессиональной гомогенности/гетерогенности территорий. В зависимости от величины МИМ им выделяется четыре класса территорий: 1) крайне гомогенные (МИМ

менее 0.28); 2) относительно гомогенные (МИМ от 0.28 до 0.556); 3) относительно гетерогенные (МИМ от 0.557 до 0.82); 4) крайне гетерогенные (МИМ от 0.82 до 1). Имеются исследования, где сопоставляются возможности применения градаций МИМ и ИЭМ для оценки уровня этнической мозаичности территорий, например, в недавно опубликованных работах (Манакон и др., 2024; Николаева, 2024).

Если принять предложенную С.А. Гороховым шкалу МИМ для градации МИЭК, то тогда соотношение двух этносов (в случае, если они в сумме составляют 100% населения определенной территории) будет составлять, соответственно (в %): 92.4 : 7.6; 83.3 : 16.7; 71.2 : 28.8 и 50 : 50. На наш взгляд, более удобной является привязка значений индекса к привычным в этнической географии шкалам, опирающимся на долевое соотношение представителей этносов. Поэтому нами используется иной вариант градации величины МИЭК, который опирается на такие соотношения двух этнических компонентов (в %), как 95 : 5, 90 : 10, 75 : 25 и 50 : 50. Обозначенным соотношениям соответствует МИЭК, равный 0.19, 0.36, 0.75 и 1.0. Отметим, что такая градация значений МИЭК не является единственно возможной, и авторы предполагают в дальнейшем апробацию других шкал по величине индекса.

Как отмечалось выше, МИЭК введен как вариант ИЭМ специально для изучения двухкомпонентных этнических систем. Однако в России крайне редко встречаются территории,

где население представлено фактически только двумя этническими сообществами. Тем не менее возможен вариант объединения этнических сообществ в две группы на основании определенного критерия (по близости языков, одной религии, другим культурным признакам и т.п.). В качестве примера такого подхода в этногеографии для решения конкретной задачи можно привести включение в одну группу русских, белорусов и украинцев (Сафронов, 2015). В нашем исследовании в качестве двух участвующих в расчете МИЭК этнических сообществ выступают, с одной стороны, русские или же титульные народы национально-территориальных образований (республик, автономных округов и единственной автономной области), а с другой стороны, нетитульное население субъектов Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

На рис. 1 представлены результаты расчета модифицированного индекса этнической контактности титульного и нетитульного населения регионов страны по итогам переписи населения 2021 г. Национально-территориальные образования и “русские” области и края с величиной МИЭК свыше 0.36 (с долей титульного населения менее 90%) охватывают с севера, востока и юга русское этническое ядро в Европейской части России, так называемое “русское мегаядро” [данный термин используется в (Сафронов,

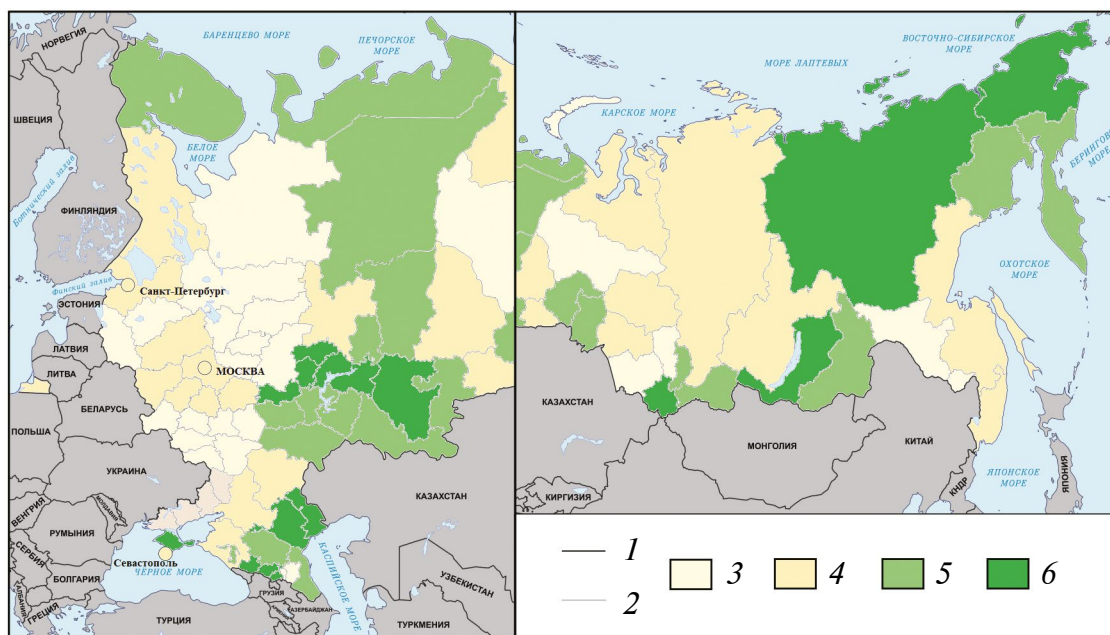

Рис. 1. Величина модифицированного индекса этнической контактности (МИЭК) титульного и нетитульного населения субъектов Российской Федерации по итогам переписи населения 2021 г.

1 — границы государств; 2 — границы субъектов Российской Федерации; величина МИЭК: 3 — менее 0.19, 4 — от 0.19 до 0.36, 5 — от 0.36 до 0.75, 6 — свыше 0.75.

Составлено авторами.

2015; Стрелецкий, 2011); и др.], а также протянулись в виде пояса по Южной Сибири, переходя в Дальневосточный пояс, охватывающий север данного макрорегиона.

Нужно отметить, что в пределы выделенных поясов с высоким значением индекса вошли далеко не все национально-территориальные образования. Крайне низкой долей титульного населения в 2021 г. отличались Еврейская автономная область (0.6%), Карелия (5.5%), Ханты-Мансийский (2.4%) и Ямало-Ненецкий (8.9%) автономные округа. С другой стороны, в категории моноэтнических субъектов Российской Федерации значились Чечня и Ингушетия (по 96.4%). Вместе с тем, в пояса этнически неоднородных территорий входило достаточно много областей и краев. Наибольшим значением МИЭК среди них отличалась Астраханская область благодаря высокой доле казахов (17.6%). Частью этого пояса являлся крупный массив регионов в Урало-Поволжье. В эту же категорию регионов вошли три новых края, образованные в начале XXI в. в результате слияния областей и входивших в них автономных округов.

На рис. 2 отображена классификация регионов России по динамике МИЭК и доли титульного населения между переписями 1989 и 2021 гг. Отдельно выделены моноэтнические территории по состоянию на 1989 г. (тогда их было значительно меньше, чем в 2021 г., и они почти строго

соответствовали “русскому мегаядру”). Удельный вес русских в этих регионах в постсоветский период испытывал небольшие колебания, но всегда был выше 90%.

Следует обратить внимание на господствующую в постсоветский период положительную динамику удельного веса русских в областях и краях и титульных народов в национально-территориальных образованиях (синяя цветовая гамма). Уменьшение доли титульного населения (розовая цветовая гамма) испытали единичные национально-территориальные образования, в первую очередь, это Еврейская автономная область и Карелия. Кроме того, снижение МИЭК в постсоветский период испытывали три финно-угорские республики Урало-Поволжья (Коми, Удмуртия и Марий Эл) и Адыгея. В трех субъектах Российской Федерации (Чувашия, Астраханская область и Ставропольский край) наблюдался рост МИЭК, вызванный увеличением доли нетитульного населения.

Вместе с тем, отметим достаточно много областей и краев, расположенных в Сибири, на Дальнем Востоке, а также в европейской части России, в которых наблюдалось значительное падение МИЭК благодаря росту доли русского населения. В частности, даже в Москве и Санкт-Петербурге доля русских, рассчитанная от численности населения, указавшего свою национальную принадлежность, превысила 90%.

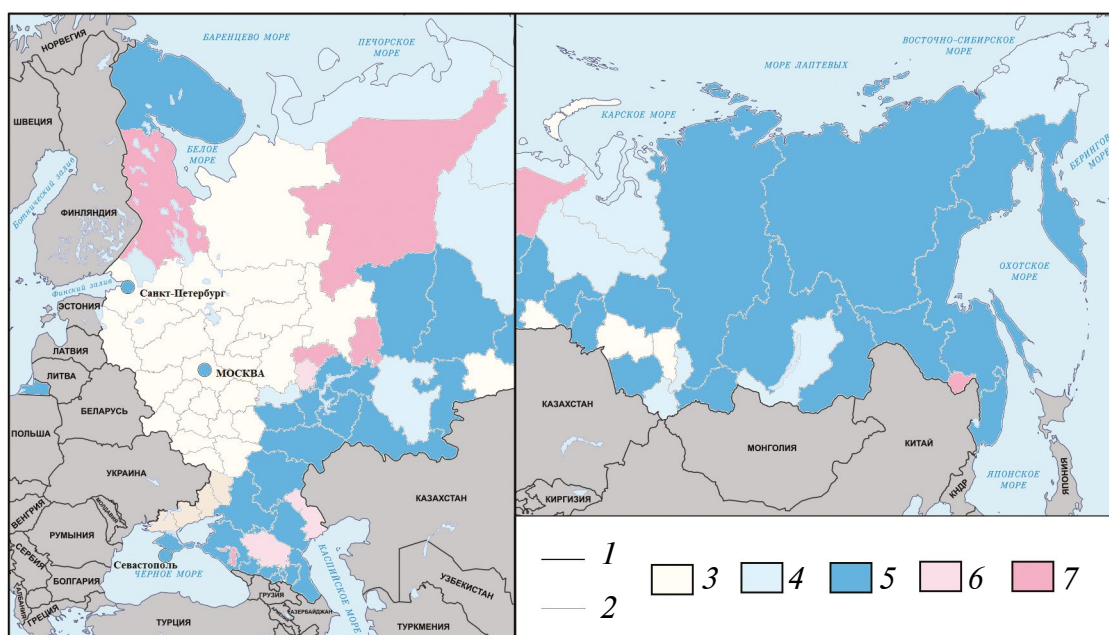

Рис. 2. Классификация субъектов Российской Федерации по динамике титульного населения и МИЭК с 1989 по 2021 г. 1 — границы государств; 2 — границы субъектов Российской Федерации; регионы: 3 — моноэтнические в 1989 г. (со значениями МИЭК менее 0.36), 4 — с положительной динамикой доли титульных этносов и ростом МИЭК, 5 — с положительной динамикой доли титульных этносов и уменьшением МИЭК, 6 — с отрицательной динамикой доли титульных этносов и ростом МИЭК, 7 — с отрицательной динамикой доли титульных этносов и уменьшением МИЭК.

Составлено авторами.

Однако, с учетом того, что в этих городах очень высока доля лиц, не обозначивших свою этническую принадлежность (23.5 и 17.6% соответственно), два крупнейших города страны едва ли могут быть отнесены к категории “моноэтнических”, что будет рассмотрено ниже.

Среди национально-территориальных образований путь к гомогенизации этнической структуры населения в постсоветский период прошли Чечня и Ингушетия, являющиеся ныне моноэтническими. Снижение МИМЭК из-за роста доли титульных этносов в обозначенный период испытывали многие республики: Саха (Якутия), Тыва, Татарстан, Калмыкия, Дагестан, Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Но при этом рост индекса благодаря увеличению удельного веса титульного населения характеризовал Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа, а из республик — Бурятию, Хакасию, Алтай, Башкортостан и Мордовию.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследование показало, что явным трендом постсоветской этнической трансформации в России стало движение подавляющего большинства субъектов Российской Федерации в направлении моноэтнизации. Рост доли титульных этносов в постсоветское время, особенно в национально-территориальных образованиях страны, отмечали разные этногеографы (Сафронов, 2015; Стрелецкий, 2011; Манаков, 2022; Орлов, 2013), но обычно они делали это с оговорками, которые требуют обсуждения.

Так, например, С.Г. Сафронов (2015) еще по итогам переписи населения 2010 г. отмечал, что в ряде регионов страны, особенно более благополучных в социально-экономическом плане, растет доля лиц, по разным причинам не дающих ответ на вопрос о своей этнической принадлежности. Тогда доля лиц, не указавших свою национальность, составила около 4%. Перепись 2021 г. в этом плане поставила новый рекорд — доля представителей данной категории населения достигла 11.6% (14.4% в городских поселениях и 3.5% в сельской местности).

Пятерку лидеров, где доля лиц, не указавших свою национальность, превысила 20%, составили Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Москва, Республика Коми и Приморский край. Прямой противоположностью этих регионов является большинство республик Северного Кавказа, три республики Урало-Поволжья (Башкортостан, Татарстан и Мордовия), а также Чукотский автономный округ, где данная категория населения соста-

вила менее 5%. В целом же в распределении по России “лиц без национальности” проявляется общая географическая закономерность “север—юг”, что является, в первую очередь, преломлением культурных различий в рамках дихотомии “модернизм—традиционализм”. При этом нужно отметить, что в северных регионах страны значительно выше среднего показателя по стране доля городского населения, что также нельзя не учитывать в качестве фактора данного явления.

Если рассчитать долю представителей разных этносов не от числа тех, кто обозначил свою национальную принадлежность (как принято в этнической географии), а от всего населения, то тогда в России будет представлено всего четыре региона, где доля русских в краях и областях или титульных народов в национально-территориальных образованиях превышает 90%. Это две области (Воронежская и Псковская) и две республики (Чечня и Ингушетия). В этом случае с карты России как бы исчезает “русское мегадро” с явным преобладанием русского населения.

Итоги переписи населения, состоявшейся в 2021 г., по целому ряду причин оцениваются критически разными специалистами, особенно демографами (Андреев, Чурилова, 2023; Салтыкова, Салтыков, 2023 и др.). Причем эта критика касается не только практики подготовки и проведения переписной кампании, но и интерпретации результатов переписи населения. Авторами отмечается необходимость оценки и корректировки итогов переписи со стороны экспертного сообщества. Так, Ю.П. Шабаев (2023), проанализировав феномен “отказников” на фоне советской практики фиксации этнической принадлежности, пришел к выводу, что «существенный рост тех, кто “отказался указать” свою этническую принадлежность во время переписи 2021 года, ... есть свидетельство того, что начался кризис прежнего восприятия этнической маркировки граждан» (Шабаев, 2023, с. 637). В этой связи нужно отметить важность детального изучения категории населения “без национальности”, что становится одной из новых задач, стоящих перед российскими этногеографами.

В пределы северного пояса с высокой долей “лиц без национальности” (согласно переписной статистике 2021 г.) входит четыре финно-угорские республики (Карелия, Коми, Удмуртия и Марий Эл), в которых в постсоветское время росла доля нетитульного населения. Вместе с собственно демографическим движением населения здесь большую роль сыграли ассимиляционные процессы. Интенсивность

смены этнической идентичности определяют “межэтнические расстояния”, которые рассчитываются по статистике межэтнической брачности (Сороко, 2014). Вместе с тем, А.Ю. Орлов (2011) предложил при оценке степени ассимилируемости того или иного этноса учитывать и языковую ситуацию (выбор русского языка в качестве родного, владение языком своей национальности).

Как отмечалось выше, рассчитанные по методике Е.Л. Сороко “межэтнические расстояния” необходимы для определения степени выраженности этноконтактных зон. Еще одной задачей, ориентирующей на продолжение данного исследования, является разработка методики анализа развития этноконтактных зон. Только пройдя все эти исследовательские этапы, можно будет вплотную подойти к решению еще одной задачи, имеющей не только научное, но и прикладное значение, а именно, оценке конфликтогенности этноконтактных зон.

ВЫВОДЫ

В постсоветский период подавляющее большинство регионов страны испытывало положительную динамику удельного веса русского или титульного (в национально-территориальных образованиях) населения. В целом можно отметить тенденцию движения основной массы российских регионов, особенно национальных субъектов Российской Федерации, в направлении моноэтнизации, хотя и с оговорками, связанными с большой долей населения, не указавшего свою этническую принадлежность в ходе переписи населения 2021 г. Среди национально-территориальных образований в постсоветский период стали моноэтничными Чечня и Ингушетия. Кроме того, можно говорить о включении в “русское мегаядро”, в котором доля русских превышает 90% населения (от числа указавших свою этническую принадлежность), целого ряда областей и краев, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, а также нескольких регионов в европейской части страны.

В большинстве национально-территориальных образований росла доля титульных этносов, и во многих из них (в Республике Саха (Якутия), Тыве, Татарстане, Калмыкии, Дагестане, Северной Осетии — Алании, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) удельный вес титульного населения в 2021 г. превосходил 50% и продолжал увеличиваться. Уменьшение доли титульного населения произошло лишь в семи национально-территориальных образованиях. За исключением Адыгеи и Еврейской автономной области, они расположены в северной части

Европейской России (Карелия, Коми, Удмуртия, Марий Эл и Чувашия).

Также отметим высокую долю лиц, не обозначивших в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. своей этнической принадлежности. Доля представителей данной категории населения в стране достигла 11.6% (14.4% в городских поселениях и 3.5% в сельской местности). С одной стороны, на представительство этой категории лиц в разных регионах страны сказывается такой фактор, как соотношение в них городского и сельского населения. С другой стороны, в распределении по России “лиц без национальности” (согласно данным переписной статистики) проявляется также общая географическая закономерность “север—юг”, что является, на наш взгляд, преломлением культурных различий в рамках дихотомии “модернизм—традиционализм”. Данная категория населения требует отдельного изучения, и тогда можно будет ответить на вопрос, нуждаются ли в корректировке, и в какой степени, итоги переписи 2021 г. по этническому составу населения, чтобы осуществить его корректное сравнение с результатами предыдущих переписей населения.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-17-00005 “Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность”.

FUNDING

The study was supported by the Russian Science Foundation within project no. 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Е.М., Чурилова Е.В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (3). С. 4–20.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>
- Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России // ЭКО. 2017. № 4. С. 110–123.
- Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалева М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 3. С. 143–157.
<https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157>

- Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Хржановская А.А.* Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 28–44.
<https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-5-28-44>
- Горохов С.А.* География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
- Горохов С.А.* Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 56–61.
- Дорофеева Д.Ю., Савоскул М.С.* Изменение этнической мозаичности регионов России // Этническая демография: сб. Сер. Демографические исследования / под ред. И.А. Даниловой, О.А. Хараевой. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 72–93.
- Лысенко А.В., Азанов Д.С., Водопьянова Д.С.* Этноконтактные зоны в системе этнокультурного районирования Северного Кавказа // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С. 130–137.
- Лысенко А.В., Водопьянова Д.С., Азанов Д.С.* Этноконтактные зоны Северного Кавказа // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. 2011. № 3. С. 165–170.
- Манаков А.Г.* Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр “Возрождение” при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с.
- Манаков А.Г.* Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года // Псков. регионологич. журн. 2022. Т. 18. № 2. С. 43–64.
<https://doi.org/10.37490/S221979310019231-7>
- Манаков А.Г., Сидорович А.А., Иванов И.А.* Этнодемографические процессы на территории Прибалтики в период с 1959 по 1989 гг. // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 4. С. 3–18.
- Набиева У.Н.* Культурная география Дагестана. М.: Изд-во Института наследия, 2002. 210 с.
- Николаева Е.Д.* Метаэтническая неоднородность городского и сельского населения на территории Казахстана и Средней Азии в 1939–1970 годах // Псков. регионологич. журн. 2024. Т. 20. № 4. С. 102–120.
<https://doi.org/10.37490/S221979310031931-7>
- Орлов А.Ю.* Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) // География и природные ресурсы. 2011. № 1. С. 129–136.
- Орлов А.Ю.* Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исслед. 2013. № 2 (40). С. 120–124.
- Покишишевский В.В.* Методы изучения этнической смешанности городского населения // Советская этнография. 1983. № 1. С. 16–23.
- Салтыкова Ю.А., Салтыков А.С.* Необходимость экспертной оценки результатов переписи населения России в 2021 г. / Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира: сб. науч. тр. Второй междунаро. науч.-практич. конф. / науч. ред. Т.И. Грабельных. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2023. С. 305–307.
- Сафронов С.Г.* Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.
- Сидоренко Н.А.* Этническая мозаичность в реалиях этносоциальной истории Крыма XX века // В мире научных открытий. 2015. № 3.6 (63). С. 2798–2808.
- Сороко Е.Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123.
- Стрелецкий В.Н.* Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М., 2011. С. 146–176.
- Теренина Н.К.* Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псков. регионологич. журн. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–116.
<https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
- Теренина Н.К.* Опыт оценки этнической контрастности границ республик Урало-Поволжья // Вестн. Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2023. № 3. С. 40–50.
<https://doi.org/10.5922/gikbfu-2023-3-3>
- Шабеев Ю.П.* Демографическая “катастрофа” российских финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа идентичностей // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 4. С. 634–647.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409>
- Шитиков Ф.В.* Географические особенности этноконфессиональной ситуации на территории Республики Бурятия // Изв. Иркутск. ун-та. Сер. Науки о Земле. 2015. Т. 11. С. 141–148.
- Эккель Б.М.* Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.
- Campos N., Saleh A., Kuzeyev V.* Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth // J. of Int. Trade and Economic. 2011. Vol. 20. P. 129–152.
- Casey G., Owen A.* Inequality and fractionalization // World Development. 2014. Vol. 56. P. 32–50.
- Fedderke J., Luiz J., de Kadt R.* Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence // Soc. Indicators Research. 2014. Vol. 85. P. 257–278.
- Greenberg J.H.* The Measurement of Linguistic Diversity // Language. 1956. Vol. 32. № 1. P. 109–115.

- Manakov A.G.* Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses // *Geography and Natural Resources*. 2019. Vol. 40. № 2. P. 106–114.
- Montalvo J., Reynal-Querol M.* Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // UPF Working Paper № 660. 2002.
https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=394926
- Papayrakis E., Mo P.* Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels // *Economic Inquiry*. 2014. Vol. 52. P. 1204–1218.
- Posner D.N.* Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *Amer. J. Political Sci.* 2004. Vol. 48. № 4. P. 849–863.

Experience of Classification of Russian Regions by the Dynamics of Ethnic Mosaics in the Post-Soviet Period

N. K. Terenina^{a,*} and R. N. Krotok^{a,**}

^a*Pskov State University, Pskov, Russia*

**e-mail: brazelon@yandex.ru*

***e-mail: roma.krotok@yandex.ru*

Russian scientists have studied in detail the changes in the ethnic structure of the population of the country's regions that occurred in the 1990s and 2000s. This analysis can be expanded by including the results of the 2021 census in scientific circulation. The objective of the study is to identify the features of the dynamics of the ethnic structure of the population of the federal subjects of Russia between the 1989 and 2021 censuses based on indicators characterizing the ethnic heterogeneity of the population. In the post-Soviet period, the overwhelming majority of regions of the country experienced positive dynamics in the share of the Russian or titular (in national-territorial entities) population. During this period, a tendency towards homogenization of the ethnic structure of the population of the federal subjects became clearly evident. The “Russian mega-core” has expanded somewhat, including regions and territories with a Russian population share of over 90%, especially in Siberia and the Far East. Among the national-territorial entities, the Chechen and Ingush Republics became mono-ethnic during this period. In most other national-territorial entities, the share of titular peoples also grew, and in many of them the share of titular ethnic groups currently exceeds half of the population and continues to grow. A decrease in the share of the titular population occurred only in seven national-territorial entities. They are located primarily in the north of the European part of Russia: the republics of Karelia, Komi, Udmurtia, Mari El and Chuvashia. The Republic of Adygea and the Jewish Autonomous Oblast also belong to this category.

Keywords: ethnodemography, ethnic geography, ethnic mosaic index, titular ethnic groups, non-titular population

REFERENCES

- Andreev E.M., Churilova E.V. The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years. *Demograf. Obozr.*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 4–20. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>
- Bufetova A.N., Kolomak E.A. National heterogeneity in the regions of Russia. *EKO*, 2017, no. 4, pp. 110–123. (In Russ.).
- Bufetova A.N., Kolomak E.A., Mikhaleva M.M. National diversity and economic development of Russian regions. *Mir Ekon. Upravl.*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 143–157. (In Russ.).
<https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157>
- Bufetova A.N., Kolomak E.A., Khrzhanovskaya A.A. National and religious diversity of Siberian regions. *EKO*, 2018, no. 5, pp. 28–44. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-5-28-44>
- Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic ethnic fractionalization and economic growth. *J. Int. Trade Econ.*, 2011, vol. 20, pp. 129–152.
- Casey G., Owen A. Inequality and fractionalization. *World Dev.*, 2014, vol. 56, pp. 32–50.
- Ekkel' B.M. Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR. *Sovet. Etnogr.*, 1976, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).
- Fedderke J., Luiz J., de Kadt R. Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence. *Soc. Indic. Res.*, 2014, vol. 85, pp. 257–278.
- Gorokhov S.A. *Geografiya religii: Tsikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of Religions: Cycles of Development of the Global Confessional Space]. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2020. 235 p.

- Gorokhov S.A. Religious fractionalization as a factor of regional economic development in the modern world. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2014, no. 4, pp. 56–61. (In Russ.).
- Greenberg J.H. The Measurement of Linguistic Diversity. *Language*, 1956, vol. 32, no. 1, pp. 109–115.
- Dorofeeva D.Yu., Savoskul M.S. Changes in the ethnic mosaic of Russian regions. In *Etnicheskaya demografiya. Sb. Ser. Demograficheskie issledovaniya* [Ethnic Demography. Collection. Ser. Demographic Studies]. Danilova I.A., Kharaeva O.A., Eds. Moscow: MAKS Press Publ., 2010, pp. 72–93. (In Russ.).
- Lysenko A.V., Azanov D.S., Vodop'yanova D.S. Ethno-contact zones in the system of ethnocultural zoning of the North Caucasus. *Nauka. Innov. Tekhnol.*, 2013, no. 1, pp. 130–137. (In Russ.).
- Lysenko A.V., Vodop'yanova D.S., Azanov D.S. Ethnocontact zones of the North Caucasus. *Vestn. Stavropol'. Gos. Univ.*, 2011, no. 3, pp. 165–170. (In Russ.).
- Manakov A.G. *Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoi ravniny: dinamika, struktura, ierarkhiya* [Geocultural Space of the North-West of the Russian Plain: Dynamics, Structure, Hierarchy]. Pskov, 2002. 300 p.
- Manakov A.G. Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses. *Geogr. Nat. Resour.*, 2019, vol. 40, no. 2, pp. 106–114.
- Manakov A.G. Title peoples of the republics of Russia: ethno-demographic trends since 1939. *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 43–64. (In Russ.).
<https://doi.org/10.37490/S221979310019231-7>
- Manakov A.G., Sidorovich A.A., Ivanov I.A. Ethnodemographic processes in the Baltic territory in the period from 1959 to 1989. *Vestn. Pskov. Gos. Univ., Ser.: Estestv. Fiziko-Matem. Nauki*, 2024, vol. 17, no. 4, pp. 3–18. (In Russ.).
- Montalvo J., Reynal-Querol M. *Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth*. UPF Working Paper No. 660, 2002. 44 p.
<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.394926>
- Nabieva U.N. *Kul'turnaya geografiya Dagestana* [Cultural Geography of Dagestan]. Moscow: Institut naslediya, 2002. 210 p.
- Nikolaeva E.D. Meta-ethnic heterogeneity of the urban and rural population in Kazakhstan and Central Asia in 1939–1970. *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2024, vol. 20, no. 3, pp. 102–120. (In Russ.).
<https://doi.org/10.37490/S221979310031931-7>
- Orlov A.Yu. Geodemographic studies of ethnoassimilation processes (on the example of the population of the Volga Federal District). *Geogr. Prir. Resur.*, 2011, no. 1, pp. 129–136. (In Russ.).
- Orlov A.Yu. Historical and geographical aspects of the transformation of the ethnic structure of the population of the Russian Federation. *Reg. Issled.*, 2013, no. 2, pp. 120–124. (In Russ.).
- Papyrakis E., Mo P. Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels. *Econ. Inq.*, 2014, vol. 52, pp. 1204–1218.
- Pokshishevskii V.V. Methods of studying the ethnic mixture of the urban population. *Sovet. Etnogr.*, 1983, no. 1, pp. 16–23. (In Russ.).
- Posner D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa. *Am. J. Pol. Sci.*, 2004, vol. 48, no. 4, pp. 849–863.
- Saltykova Yu.A., Saltykov A.S. The need for an expert assessment of the results of the Russian population census in 2021. In *Ekspertnye instituty v XXI veke: tsivilizatsionnye i tsifrovye kontseptsii menyayushchegosya mira. Sb. nauch. tr. Vtoroi mezhdun. nauch.-prakt. konf.* [Expert Institutions in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World. Collection of Sci. Papers of the 2^d Int. Sci. and Pract. Conf.]. Irkutsk, 2023, pp. 305–307. (In Russ.).
- Safronov S.G. Modern trends in the transformation of the ethnic composition of the population of Russia. *Baltic Region*, 2015, no. 3, pp. 138–153.
- Sidorenko N.A. Ethnic mosaic in the realities of the ethno-social history of the Crimea of the 20 century. *V Mire Nauch. Otkrytii*, 2015, no. 3, pp. 2798–2808. (In Russ.).
- Soroko E.L. Ethnically mixed couples in the Russian Federation. *Demogr. Obozr.*, 2014, vol. 1, no. 4, pp. 96–123. (In Russ.).
- Streletsky V.N. Russia in ethno-cultural dimension: the factors of regionalization and spatial structures. In *Regional'noe razvitie i regional'naya politika Rossii v perekhodnyi period* [Regional Development and Regional Policy of Russia in the Transition Period]. Moscow, 2011, pp. 146–176. (In Russ.).
- Terenina N.K. The index of ethnic contact as a tool for studying territories with a mixed national composition of the population. *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 101–116. (In Russ.).
<https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
- Terenina N.K. Experience of assessing the ethnic contrast of the borders of the republics of the Ural-Volga region. *Vestn. Balt. Fed. Univ. Kanta, Ser.: Estestv. Med. Nauki*, 2023, no. 3, pp. 40–50. (In Russ.).
<https://doi.org/10.5922/gikbfu-2023-3-3>
- Shabaev Yu.P. Demographic “catastrophe” of the Russian Finno-Ugric peoples: Social and political motivation for the drift of identities. *POLITEKS*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 634–647. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409>
- Shitikov F.V. Geographic features of the ethno-confessional situation on the territory of the Republic of Buryatia. *Izv. Irk. Univ., Ser. Nauki o Zemle*, 2015, no. 11, pp. 141–148. (In Russ.).